

ЗАМѢТКИ

по поводу послѣднихъ изслѣдованій о «Русско-Шведской войнѣ 1808—1809 гг.».

С легкой руки г. П. А. Ниве наша военно-историческая литература къ 100-лѣтїю событїй 1808—1809 гг. обогащается новымъ критико-историческимъ изслѣдованїемъ этой эпохи. Въ статьяхъ, подѣ приведеннымъ выше заглавїемъ, появившихся въ «Военномъ Сборникѣ», а также въ замѣткахъ, напечатанныхъ на страницахъ «Русскаго Инвалида», авторъ развернулъ свой обширный историческій свитокъ, и тѣмъ самымъ, по выраженїю Д. В. Давыдова, «вызвалъ къ безсмертїю» исторїю «покоренїя Финляндіи Россїйскимъ оружіемъ».

Въ виду того, что «свѣжая возможность» написать правдивую исторїю войны 1808—1809 гг., по различнымъ причинамъ фактически утрачена давно, намъ не покажется страннымъ то обстоятельство, что въ лѣтописи событїй этой войны, оказавшейся «защитною» и впервые описанною въ 1827 г. на французскомъ и лишь въ 1832 и 1841 гг. на русскомъ языкахъ, вкралось не мало пропусковъ и неточностей разнообразнаго характера. Воспоминанїя же современниковъ, какъ это хорошо всѣмъ извѣстно по литературѣ о минувшей Русско-Японской войнѣ, зачастую и въ то время страдали «игрой воображенїя сочинителей», для разобла-

ченія которыхъ иногда требовались цѣлыя изслѣдованія; отмѣтимъ, напримѣръ, трудъ *И. П. Липранди*, издавшаго въ 1867 г., въ цѣляхъ «*охраненія исторіи (войны 1808—1809 и.) отъ нелѣпностей*» 193 стр. «Замѣчаній на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля», какъ сочинителя, отличавшагося «несообразностію съ истиной». Шведскіе же писатели издавна держались своихъ излюбленныхъ тенденцій, что продолжается, какъ извѣстно, и по днесь. Въ подтвержденіе послѣдняго мы считаемъ достаточнымъ указать на вполне опредѣленное предостереженіе нашихъ переводчиковъ составленной шведскимъ генеральнымъ штабомъ къ 100-лѣтнему юбилею «Шведской войны 1808—1809 гг.», заявившихъ, что *трудъ этотъ отличается «присущимъ ему тенденціознымъ освѣщеніемъ»*... При наличіи этихъ данныхъ трудъ г. П. А. Ниве, какъ русскаго изслѣдователя, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Не задаваясь цѣлью составить критическій очеркъ неоконченнаго труда г. П. А. Ниве, мы находимъ, однако, необходимымъ, ради вѣщаго раскрытія затерянной истины событій, высказать свое несогласіе со взглядами автора на нѣкоторые вопросы, получившіе уже опредѣленную отдѣлку, а также отмѣтить и обойденные—молчаніемъ. Быть можетъ, наши «замѣтки», основанныя преимущественно на малоизвѣстныхъ архивныхъ данныхъ, дадутъ возможность будущему историку воспользоваться хотя бы нѣкоторыми изъ нихъ...

Въ первой статьѣ «*Россія и Швеція передъ войной 1808—1809 и.*» обращаетъ на себя вниманіе цѣлый рядъ предвзятыхъ толкованій, бросающихъ подозрительную тѣнь на политическое поведеніе Россіи въ концѣ 1807 г. по февраль 1808 г., причемъ авторъ даже убѣжденно предполагаетъ, что у Императора Александра, «въ предвидѣніи будущаго разрыва съ Наполеономъ, секретное соглашеніе съ Англійей могло существовать, и категорически утверждаетъ, что *рѣшеніе начать войну (со Швеціей) созрѣло у Императора Александра окончательно къ зимѣ 1807—1808 года* («Военный Сборникъ» № 2, стр. 20 и 18).

Ни съ предположеніемъ, а въ особенности съ послѣднимъ утвержденіемъ, мы никакъ согласиться не можемъ, такъ какъ факты, къ возстановленію которыхъ мы перейдемъ, свидѣлствуютъ иное...

Война 1806—1807 гг., какъ извѣстно, вызвала грандіозную мобилизацію всѣхъ вооруженныхъ силъ Россіи. Императоръ Александръ I не только обратилъ къ западной границѣ почти всѣ по-

левая войска, но повелѣлъ сформировать особый корпусъ, «который въ нужномъ случаѣ могъ бы служить *резервомъ*, а сверхъ того, и *наблюдать тишину границы*», причемъ въ составъ его были назначены, преимущественно, гарнизонные баталіоны и запасные $\frac{1}{2}$ эскадроны. Мало того, пришлось прибѣгнуть и къ такой чрезвычайной мѣрѣ, какъ повсемѣстный созывъ милиціи (ополченія) въ 612.000 чел. Къ маю 1807 г. резервный корпусъ, намѣченный первоначально всего въ 25.000 чел., превратился въ цѣлую армію въ 151.000 чел., въ составъ которой вошли и послѣднія наши левыя войска (17-я и 18-я дивизіи ¹).

Неудача подъ Фридландомъ, а затѣмъ переговоры о перемиріи и, наконецъ, заключеніе Тильзитскаго мира—положили предѣлъ такому чрезвычайному напряженію силъ, которыя, повторяемъ, были сосредоточены на нашей западной границѣ. Къ востоку-же, примѣрно, отъ линіи Черниговъ—Витебскъ—Псковъ—Нарва, по выраженію одного современника, были «*мѣста, обнаженныя отъ всякихъ войскъ*», если не принимать въ расчетъ разбросанные повсюду остатки гарнизонныхъ баталіоновъ и необученную «воинскимъ приемамъ и оборотамъ» милицію.

Таково было дѣйствительное состояніе нашей государственной обороны къ 27-го іюня 1807 г., т. е. къ моменту ратификаціи Тильзитскаго трактата, по XIII-й статьѣ котораго Императоръ Александръ I оказался еще и въ роли посредника «въ примиреніи Англіи съ Франціей».

Оставляя въ сторонѣ политику, посмотримъ, какъ приводилась наша армія въ «настоящее состояніе», причемъ особенное вниманіе обратимъ на расхожденіе ея по кантонирь-квартирамъ, которыя и 100-лѣтъ тому назадъ назначались, не упуская изъ вида скрытыхъ стратегическихъ комбинацій ²).

¹) Архивныя данныя объ этихъ *забытыхъ* обширныхъ приготовленіяхъ имѣются въ арх. канц. военн. мин., секр. отд. въ дѣлахъ 1806 г. за № 13 б, 14, 15/36, 1807 г. № 8, 36/82 и друг. См. также и «генеральный отчетъ о подвижномъ земскомъ войскѣ».

²) Не находя возможнымъ дѣлать подробныя ссылки на архивные документы, что представляеть особый интересъ лишь для небольшого круга изслѣдователей эпохи 1808—1809 гг., мы вынуждены ограничиться указаніемъ, что основой для послѣдующаго очерка служили преимущественно: а) архивныя данныя, имѣющіяся въ арх. канц. военн. мин., секр. отд. въ дѣлахъ 1807 г. № 31, 36 (см. секретное росписаніе арміи отъ 16-го августа 1807 г., отн. ген. отъ инф. Вязмитинова отъ 19-го августа 1807 г. № 161, всеподд. рап. ген. отъ инф. графа Буксегвѣдена отъ 25-го августа 1807 г., безъ № и за № 61 и друг.), № 33 (росписаніе артилеріи и

27-го іюня 1807 г. ген. отъ кав. баронъ Беннигсенъ, бывшій главнокомандующій, получилъ рескриптъ, который представляетъ въ сущности, сводку цѣлаго ряда распоряженій относительно арміи. Ему повелѣно было «учинить исполненіе» по новому росписанію войскъ, раздѣленныхъ на *пять корпусовъ*, и «предписать имъ слѣдовать по приложеннымъ маршрутамъ» въ опредѣленные по росписанію мѣста. Въ общемъ, было опредѣлено, что корпусъ Цесаревича Константина Павловича—1-я (гвардія) и 21-я дивизіи расположится въ С.-Петербургѣ, ближайшихъ его окрестностяхъ и частію въ Финляндіи, куда назначили всего четыре полка, а остальные дивизіи (13-ть) будутъ временно сведены не въ три, какъ указываетъ Михайловскій-Данилевскій (см. т. I, стр. 471), а *въ четыре лагера* (около Дисны, Витебска и Суража, Шклова и Орши и между Брестомъ и Бѣлостокомъ), чтобы полки, получивъ, «послѣ толико трудной и раззорительной кампаніи»,—«необходимо нѣжное отдохновеніе», могли бы вмѣстѣ съ тѣмъ «привести въ полное устройство всю свою внутренность».

Въ 20-хъ числахъ августа корпусъ Цесаревича прибылъ въ назначенный ему районъ, который занималъ онъ и до своего выступленія въ походъ, а *къ 20-му августа* расположились въ переносныхъ выше лагеряхъ и послѣдніи дивизіи. Остальные наши дивизіи въ это время находились: двѣ—на Кавказѣ, три—на югѣ въ Молдавской арміи и одна въ «Іонической республикѣ».

Около этого времени началось и расформированіе резервной арміи, а именно: 1) 17-я и 18-я дивизіи, назначенныя въ корпуса, расположились въ лагеряхъ; 2) первое распоряженіе объ «обращеніи» гарнизонныхъ баталіоновъ «къ своимъ мѣстамъ» было сдѣлано 18-го сентября, а затѣмъ, до конца 1807 г. возвращались въ свои «непремѣнныя квартиры» и гарнизонные баталіоны, и запасные $\frac{1}{2}$ эскадроны; 3) милиціонная часть этой арміи, на основаніи особыхъ распоряженій, касавшихся вообще всей милиціи, также

проч.), № 39/60 (Высочайшій рескриптъ графу Буксгевдену отъ 13-го сентября 1807 г., маршруты полкамъ, рапортъ начальника 14-й дивизіи, отношеніе ген.-адъют. графа Ливена отъ 25-го октября 1807 г. безъ №, и друг.), № 47 (распоряженія о сокращеніи обоза и проч. въ 14, 17 и 21 дивизіяхъ), № 3:79 (командированіе къ графу Буксгевдену чиновъ квартирмейстерской части и инженернаго корпуса); б) архивныя данныя, имѣющіяся въ арх. артл. историч. музея—дѣла штаба ген.-фельдц., св. 713, № 130/476 (росписаніе арміи 26-го октября 1807 г.), дѣла инспекторскія, св. 737, № 509 (отношеніе ген. отъ инфант. Вязмитинова отъ 12-го декабря 1807 г. № 1405) и друг.

была упразднена къ концу 1807 г., вслѣдствіе обращенія ея на укомплектованія «полковъ и прочихъ частей».

Такимъ образомъ, *къ концу августа 1807 г.* группировка нашихъ войскъ исключала всякую возможность предполагать какія либо агрессивныя намѣренія. Послѣднее въ отношеніи тогдашней Шведской Финляндіи подтверждается и секретнымъ росписаніемъ арміи (отъ 16-го августа 1807 г.), по которому на эту границу была «росписана» лишь часть 21-й дивизіи (3 мушкетерскихъ, 1 егерскій и казачій полкъ и 3 артилерійскихъ роты), разсередоточенная на обширной площади Выборгъ — Фридрихсгамъ — Коувола — Давидовъ — Вильманstrandъ — Міетела — Кексгольмъ. Кромѣ того, тамъ-же находилось еще 3 гарнизонныхъ полка (Роченсальмскій — 3 бат., Выборгскій и Фридрихсгамскій по 2 бат.) и 3 гарнизонныхъ баталіона (Кексгольмскій, Вильманstrandскій и Нейшлотскій). Всѣ эти войска находились «подъ командою» Цесаревича Константина Павловича.

Въ сферахъ центрального военнаго управленія, въ которомъ первенствующую роль игралъ «Государевъ генераль-адъютантъ» графъ Х. А. Ливенъ, безусловно *было «все спокойно»*. Мало того, факты указываютъ, что и *мирная*-то дѣятельность налаживалась не безъ треній. Напримѣръ, министръ военныхъ сухопутныхъ силъ, ген. отъ инф. С. К. Вязмитиновъ, исполнявшій, въ сущности, обязанности главнаго интенданта, — будучи озабоченъ распоряженіями по провіантской и комиссаріатской частямъ, только *19-го августа* обратился къ графу Ливену за свѣдѣніями чисто справочнаго характера (напримѣръ, — «не воспослѣдовало-ли *какихъ-либо* Высочайшихъ повелѣній на предметъ приведенія росписанія въ дѣйствіе? Съ котораго времени считать можно движеніе полковъ изъ лагерей?» и т. п.), что, опять таки, краснорѣчиво указываетъ на исключительно *мирное направленіе* дѣятельности военнаго министерства.

Между тѣмъ, Англія, встревоженная «секретами» Тильзитскаго трактата, по сказаніямъ юбилейной шведской исторіи, (ч. I, стр. 14 и 13), рѣшаетъ «предупредить событія» и предпринимаетъ такъ называемую «*экспедицію противъ Копенгагена*», гдѣ и совершаетъ «подвигъ», за который не похвалилъ даже и свой историкъ, искренно указавшій: «нашлись-ли бы у насъ (т. е. англичанъ) достаточно рѣзкія выраженія, чтобы изъяснить *народное негодованіе* на подобный поступокъ, если бы совершилъ его тиранъ Франціи (т. е. Наполеонъ)»?..

Конечно, вѣроломное нападеніе и разгромъ Копенгагена, какъ заключительный актъ предпринятой «экспедиціи», долженъ былъ отразиться и на нашихъ военныхъ распоряженіяхъ. Императоръ Александръ I, не получившій изъ Лондона опредѣленнаго отвѣта на свое предложеніе о посредничествѣ, вопреки тенденціозному описанію шведскихъ историковъ (см. ч. I, стр. 18 и слѣд.), не только велъ разговоры съ представителями Англии и Франціи, но и дѣйствовалъ *самостоятельно*.

Въ 20-хъ числахъ августа къ ген. отъ инф. графу Буксгевдену, замѣстившему «уволеннаго» главнокомандующаго ген. отъ кав. барона Беннигсена, былъ присланъ флиг.-адъют. полковникъ Удомъ для передачи *словеснаго* Высочайшаго повелѣнія: «отрядить 2-ю дивизію къ Ревелю, 3-ю—къ Ригѣ, а 14-ю—раздѣлить на двѣ части, присоединя къ каждой изъ сихъ по равному числу,—чинить по разсмотрѣнію».

Тотчасъ же графъ Буксгевденъ «далъ дивизіямъ предписанія» и *25-го августа* всеподданнѣйше рапортовалъ: «не имѣя нынѣ свѣдѣній, какого рода суда и какія именно силы угрожаютъ берега и крѣпости наши и куда предпріятіе непріятельское полагать можно, *располагаю я* (для наблюденія и защиты морского берега) *войска* (отъ Либавы до Пернова и отъ Пернова черезъ Ревель до Нарвы) *единственно по воображенію моему*, которое посему, конечно, осужденію подвержено быть должно». Кромѣ того, графъ Буксгевденъ, по его-же выраженію въ рапортѣ,—«движимый всегда усердіемъ къ пользѣ и славѣ оружія Его Императорскаго Величества», на Высочайшее воззрѣніе представилъ, помимо распоряженій по артилерійской части, и соображенія о слѣдующихъ необходимыхъ «предосторожностяхъ»:

1) Для соблюденія первоначальныхъ мѣръ предосторожности, дать повелѣніе—*снять лоцмановъ* изъ острововъ: Эзель и Даго и съ другихъ мѣстъ, какъ равно и *запретить огни на маякахъ*, а изъ острова Наргена, противу Ревеля, даже *жителямъ* на нѣкоторое время *перенестись на твердый берегъ*», потому что «если основываться можно на томъ, что *англійскій флотъ*, прошедшій Зундъ, *господствуетъ нынѣ въ Балтійскомъ морѣ*, конечно, на весьма краткое время, и *угрожаетъ берега наши злонамѣренными предпріятіями*, то мореходство, какъ нашихъ, такъ и пріязненныхъ судовъ—въ сей части (моря) остановиться должно».

2) Для «небезполезной» предосторожности—*смыкнуть*: а) Динамюндскаго (нынѣ Усть-Двинскъ) коменданта, который, «служба

государству болѣе 40 лѣтъ, человекъ престарѣлый и *едва въ мирное время могущій исполнять свою обязанность*, (а поэтому), возложивъ на него должность защищенія крѣпости противу непріятеля, сомнѣваться должно, дабы при всемъ усердіи (онъ) могъ исполнить сіе съ надлежащимъ успѣхомъ, (ибо) неизвѣстно имѣетъ ли онъ на сіе достаточныя познанія»; б) Ревельскаго губернатора, относительно котораго «сіе-же долженъ сказать, что при всемъ его познаніи, дѣятельности и отличныхъ качествахъ—опасаюсь, что въ такомъ случаѣ успѣхъ не будетъ соотвѣтствомъ желаемому *ибо въ прошедшіе войны имѣемъ разные примѣры его неудачъ, но можетъ (быть) на сухомъ пути будетъ счастливейе*».

3) Дать повелѣніе мѣстнымъ гарнизоннымъ баталіонамъ—«исполнять его (графа Буксгевдена) предписанія», а вновь сформированный баталіонъ Курляндскихъ, такъ называемыхъ вольныхъ стрѣлковъ «откомандировать въ г. Туккумъ, близъ морского берега, гдѣ показано будетъ».

Полагаемъ, что приведенныя выше данныя наглядно показываютъ, что у насъ имѣлись правильныя свѣдѣнія объ англійской «экспедиціи», истинное назначеніе которой опредѣлилось лишь около 25-го августа (разгромъ Копенгагена),—о чемъ графу Буксгевдену стало извѣстнымъ значительно позже, а поэтому его планъ «вообразительной» обороны нашихъ морскихъ береговъ былъ лишь мѣрою предосторожности, различныя виды и подробности которой мы и отмѣтили...

Извѣстіе объ участи Копенгагена, конечно, «вызвало опасеніе относительно безопасности Петербурга, что признаютъ и шведскіе историки (см. ч. I, стр. 19). Петербургъ-же въ это время имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь гвардію, численность которой далеко не доходила до 35,000 чел., какъ невѣрно указываетъ г. П. А. Нивѣ («Военн. Сборн. № 3, стр. 13), а всего была даже къ 1-му января 1808 г. лишь 19,166 чел. (см. приказъ военнаго министра 1809 г. № 42), а къ 1809 г. лишь 18,555 чел. (см. архивъ графовъ Мордвиновыхъ, т. III, стр. 495, № 885), да еще бригаду пѣхоты 21-й дивизіи (до 4,600 чел.), т. е. всего въ С.-Петербургѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ находилось войскъ лишь до 25,000 чел., на которыхъ возлагалась также и защита, и охрана морского берега отъ Нарвы, гдѣ «вообразительная» оборона графа Буксгевдена, какъ было указано ранѣе, кончалась.

Загадочное поведеніе представителя Англій, лорда Говера, по словамъ шведскихъ историковъ (см. ч. I, стр. 20), лишь 12-го сен-

тыбря откровенно заявившаго, что «Англія, касательно охраненія Балтійскаго моря, *никогда не признавала никакихъ исключительныхъ правъ*» и что «*съ претензіями Россіи*» считается не приходится,—несомнѣнно дало серьезный поводъ посмотрѣть на англійскую «экспедицію» болѣе подозрительно.

Не имѣя документальныхъ данныхъ, мы все-таки рѣшаемся утверждать, что заявленіе лорда Говера, сдѣланное *12-ю сентября*, было достаточнымъ мотивомъ для объясненія того, что *13-ю сентября* графу Буксгевдену было уже послано Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы онъ отправилъ «прямѣйшимъ трактомъ въ С.-Петербургъ»—*17-ю дивизію*, какъ «числомъ людей комплектнѣе и свѣжѣе другихъ». Вслѣдъ за этимъ, 18-го сентября было послано второе Высочайшее повелѣніе—«обратить *14-ю дивизію* къ С.-Петербургу», отправивъ «оную прямѣйшимъ путемъ». Обѣимъ дивизіямъ были розписаны «*умѣренные марши*».

Такимъ образомъ, благодаря англійской «экспедиціи», четыре нашихъ дивизіи слѣдовали по «предписанію»; имѣя спеціальныя назначенія.

Минуя подробности «похода» дивизій, представляющія большой интересъ для правильной оцѣнки дѣйствительной «возможности сосредоточить» и «окончить стратегическое развертываніе», что своеобразно подчеркиваетъ г. П. А. Нивѣ, отмѣтимъ лишь слѣдующее

1) 2-я и 3-я дивизіи въ назначенные имъ для обороны районы прибыли и расположились «по розписанію», которое хотя и мѣнялось нѣсколько разъ (на случай всегдашней готовности, весьма сближенное расположеніе, болѣе спокойное размѣщеніе и т. п.) но это не отразилось на лишнихъ переходахъ, такъ какъ послѣдній вариантъ, черезъ «нарочныхъ», былъ полученъ полками еще въ пути. Окончательно-же расположились дивизіи — не ранѣе *25-го сентября 1807 г.*

2) Полки 17-й дивизіи выступили 2-мя колоннами 22—25 сентября (пѣхота слѣдовала отдѣльно отъ конницы) и, пройдя 552—602 версты, прибывали къ С.-Петербургу 28-го октября—*6-го ноября 1807 г.*

3) 14-я дивизія, раздѣленная на двѣ части, уже находилась на пути къ Ригѣ и Ревелю, а поэтому «нарочные» успѣли доставить полкамъ предписанія и маршруты 24-го сентября—5-го октября. Эта дивизія, «оборотившись», выступила не бригадами, а отдѣльными полками, которымъ было «назначено идти особо», чтобы

«воинскіе чины могли (бы) найти при теперешней распутицѣ больше способовъ къ доставленію себѣ продовольствія въ такомъ пути, на которомъ не находится никакихъ казенныхъ заготовленій». Къ мѣсту назначенія полки прибывали *31-го октября—15-го ноября...*

Одновременно съ принятіемъ этихъ мѣръ, направленныхъ исключительно для организациі обороны нашихъ береговъ, велись тщетные переговоры съ шведскимъ королемъ, котораго Императоръ Александръ I склонялъ вступить въ союзъ противъ Англій. 26-го октября 1807 года послѣдовалъ разрывъ между Россіей и Англійей, что заставило короля, откровенно сочувствовавшаго «Копенгагенскимъ побѣдителямъ», поторопиться *«объявить себя за или противъ Англій»*. Однако, король, не давая опредѣленнаго «объявленія» и затягивая отвѣты, задался цѣлью стать союзникомъ Англій, мечтая даже и о наступательныхъ авантюрахъ. Шведскіе историки, округляя событія, зачастую приводятъ «подлинныя» (?) бесѣды; въ данномъ случаѣ они вложили въ уста своего короля такое выраженіе: *«Если французы и русскіе пойдутъ въ Бенгалію (т. е. рискнуть на походъ въ Индію), то я пойду на Петербургъ»* (см. ч. I, стр. 40).

Императоръ Александръ I, терпѣливо выжидая отвѣта, видимо, даже и не предполагалъ о возможности войны со Швеціей. Это подтверждается отчасти *полнымъ отсутствіемъ какихъ либо военныхъ приготовленій*, а главное — нежеланіемъ отмѣнить сдѣланное распоряженіе о 14-й и 17-й дивизіяхъ, для чего были достаточно серьезные поводы.

О дѣйствительномъ состояніи этихъ дивизій можно судить по слѣдующимъ донесеніямъ графа Буксгевдена (всепод. рап. отъ 12-го и 18-го сентября 1807 г. за №№ 127 и 214):

1) «14-я дивизія была тогда *(20-го августа)* во *всѣхъ частяхъ слаба и имѣла въ полкахъ наличныхъ не больше, какъ отъ 300 до 500 чел., а въ иныхъ даже до 200 съ небольшимъ въ строю*. Нынѣ (т. е. около 12 сентября) на послѣднемъ моемъ осмотрѣ, нашелъ я отъ 1,300 до 1,400 чел. (т. е. *до 1/2 состава*) въ строю, *посредственно выученныхъ и устроенныхъ*. Совершенное укомплектованіе дивизій нельзя было окончить единственно по неприбытію партій рекрутскихъ и милиціонныхъ (впослѣдствіи въ дивизію поступило до 6,000 чел. ратниковъ, не получившихъ даже начальной воинской подготовкы»).

2) «17-я дивизія, хотя дѣйствительно свѣжѣ прочихъ (дивизій), поелику, не бывши на службѣ въ прошедшую кампанію, не могла быть изнурена, какъ прочіе, но *со стороны наличнаго состоянія не такъ многочисленна* (некомплектъ не указанъ). Сей недостатокъ происходитъ отъ того единственно, что *сія дивизія бывъ составлена почти вся изъ рекрутъ*, (впослѣдствіи въ составъ дивизіи включили еще для укомплектованія и 3.500 необученныхъ ратниковъ), не привыкшихъ къ трудамъ,—во время движенія своего къ границѣ, оставила во многихъ мѣстахъ большое количество людей (больными) и много потеряла умершими».

Думается, что если бы имѣлась въ виду война, то замѣна этихъ *слабыхъ* дивизій другими была бы совершенна и притомъ безъ всякой помѣхи, такъ какъ, свѣдѣнія о выступленіи и о маршрутѣ дивизій, «когда и чрезъ какія мѣста слѣдовать будутъ», въ С.-Петербургѣ имѣлись, а слѣдовательно встрѣчное повелѣніе—остановиться могло захватить полки еще на первыхъ переходахъ. Выборъ-же другихъ дивизій могъ быть предоставленъ графу Буксгевдену, какъ лицу хорошо въ этомъ освѣдомленному. Однако, такой замѣны сдѣлано не было.

Всякое сомнѣніе о дѣйствительномъ назначеніи 14-й и 17-й дивизій устраняется къ 25 октября 1807 г., по нашему мнѣнію, наличіемъ такихъ распоряженій: 1) 17-я дивизія получила приказаніе расположиться вдоль всей береговой линіи Старой Финляндіи и въ окрестныхъ населенныхъ пунктахъ (Парголово, Лемболово-Кивиненъ, Новая Кирка, Бьерке, Каккисъ, Выборгъ, Фридрихсгамъ) и состоять подъ главнымъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича, которому были подчинены и прочія войска здѣсь расположенныя; 2) 14-я дивизія, «порученная» министру военныхъ сухопутныхъ силъ, ген. отъ инф. Вязмитинову, — располагалась, какъ бы въ резервѣ, въ районѣ: Петербургъ, Новая деревня, Лисій Носъ, Усть-Ижора, Гатчино, Царское Село, Пулковое, Ропша, Гостилицы. Въ общемъ, такое расположеніе дивизій, какъ мы уже отмѣтили ранѣе, указываетъ на стремленіе, такъ или иначе, организовать возможную оборону нашихъ береговъ и С.-Петербурга.

Затѣмъ, немаловажнымъ доказательствомъ нашего *мирнаго* настроенія по отношенію Швеціи служитъ одно распоряженіе, ослаблявшее боевую готовность 14-й, 17 и 21-й дивизій. *28-го октября 1807 года*, а не въ февралѣ 1807 г., какъ считаетъ Михайловскій-

Данилевскій (см. описаніе войны 1808—1809 гг., стр. 10 и др.), согласно представленію ген. отъ инф. Вязмитинова, Высочайше повелѣно было, «во уваженіе предвидимаго недостатка фуража и къ отвращенію сего и большаго убытка казнѣ», — *убавить* въ этихъ трехъ дивизіяхъ *обозы и подъемныхъ лошадей*, назначивъ послѣднихъ «къ своду» отъ 14-й дивизіи—въ Ладугу, а отъ прочихъ двухъ въ Шлиссельбургъ, т. е. въ пункты, удаленные на 350—320 вер. отъ Шведской границы. Въ общемъ, въ полкахъ пѣхотныхъ убавили 19—34 повозки и 62—98 подъемныхъ лошадей, а въ кавалерійскихъ 7—9 повозокъ и 26—29 подъемныхъ лошадей, при чемъ отъ двухъ дивизій (17-й и 21-й) «къ своду было назначено—1.350 лошадей. Не касаясь подробностей распоряженій, относившихся до оставшихся въ лагеряхъ дивизій, отмѣтимъ только слѣдующее:

1) 15-го сентября графъ Буксгевденъ всеподданнѣйше рапортовалъ, что войска «получили уже почти все снабженіе», что «*совершенно разстроенный видъ и самое (слабое) положеніе полковъ, въ которое ввела ихъ прошедшая кампанія болѣе не существуютъ*» ¹⁾, причемъ о самомъ себѣ онъ призналъ возможнымъ выразиться такъ: «*Весьма утѣшительно для меня, Всемилостивѣйшій Государь, оправдать всегда Высочайшій Вашего Императорскаго Величества выборъ, и чрезмѣрно бы желалъ имѣть счастье удостоиться нынѣ Всемилостивѣйшимъ обзорѣніемъ настоящаго состоянія повѣренной мнѣ арміи...*» Видимо, такое «чрезмѣрное желаніе» выражалось неоднократно, такъ какъ до полученія этого рапорта графу Буксгевдену было сообщено, что «*по обстоятельствамъ, какія возникаютъ отъ поведенія англичанъ, Его Императорское Величество не изволить еще быть совершенно удостовѣренъ о удобности отсутствія своего отсюда (т. е. изъ С.-Петербурга) въ теперешнее время, и слѣдовательно въ возможности видѣть войска арміи, вамъ ввѣренной, въ нынѣшнемъ (т. е. въ лагерномъ) ихъ расположеніи*».

2) Изнурявшія войска «ненастные погоды» побудили ускорить «выступленіе изъ лагерей». 20-го сентября Высочайше было утверждено квартирное росписаніе, а 12-го октября первые полки уже выступили по даннымъ маршрутамъ къ своимъ кантонирь-квартирамъ, которыя для нѣкоторыхъ полковъ были столь удалены,

1) Обращаемъ вниманіе на это заявленіе, опредѣленно характеризующее состояніе другихъ дивизій, вполнѣдствіи отправленныхъ къ С.-Петербургу (т. е. 5-й 6-й и 4-й дивизій).

что послѣдніе полки на мѣста могли прибыть лишь къ 20-му января 1808 г. Къ первымъ числамъ декабря 1807 г. большая часть дивизіи уже расположилась въ назначенныхъ имъ по росписанію районахъ.

3) 7-го ноября 1807 г. Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ на имя графа Буксгевдена, было установлено, «согласно мѣстному расположенію дивизій», распределеніе ихъ по «начальствамъ», причемъ семь дивизій (2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 10-я) были «оставлены подъ главнымъ начальствомъ» графа Буксгевдена.

4) 13-го ноября 1807 г. графъ Буксгевденъ уже увѣдомилъ министра военныхъ сухопутныхъ силъ, ген.-отъ-инф. Вязмитинова, что «окончилъ всѣ свои дѣла здѣсь (въ Витебскѣ, гдѣ была главная квартира)» и что «отправляется отсель 16-го числа (ноября) для осмотра войскъ, по берегу моря расположенныхъ, и самаго мѣстнаго расположенія (т. е. распределенія войскъ для охраны береговой линіи) — черезъ Динабургъ (нынѣ Двинскъ) — Митаву — Либаву — Виндаву и оттуда въ Ригу, гдѣ съ Высочайшаго соизволенія расположить свою (штабъ) квартиру.

Всѣ эти распоряженія, умышленно приведенныя нами въ строго хронологическомъ порядкѣ, краснорѣчиво подтверждаютъ высказанное нами ранѣе мнѣніе, что у Императора Александра I всѣ мѣропріятія были направлены «по обстоятельствамъ поведенія англичанъ», противъ которыхъ военныя приготовленія, въ видѣ организациі сухопутной береговой обороны «изъ за Либавы» до Фридрихсгама, дѣйствительно дѣлались, причемъ для этой пменно цѣли и были предназначены: 2-я, 3-я, 17-я, 1-я (гвардія), часть 21-й и 14-я (резервъ) дивизіи.

Убѣжденно повторяя, что приведенные факты, по нашему мнѣнію, въ достаточной степени исключаютъ всякое предположеніе о «созрѣвшемъ рѣшеніи начать войну со Швеціей», мы еще разъ подчеркнемъ слѣдующее:

1) Не странно ли, что Императоръ Александръ I, допустимъ, рѣшившійся «начать войну», заведомо допускаетъ прибыть въ Финляндію и въ окрестности С.-Петербурга слабѣйшія дивизіи (17-ю и 14-ю), которыя и образуютъ ядро будущей дѣйствующей арміи?

2) Не странно ли, что Императоръ Александръ I, въ дополненіе къ указанному выше, вдругъ допускаетъ, что графъ Буксгевденъ, будущій главнокомандующій, накануне войны отправляется въ 1.000-верстную поѣздку, послѣ которой намѣревается остаться

въ Ригѣ, а не прибываетъ въ С.-Петербургъ для обсужденія подготовительныхъ къ войнѣ мѣропріятій и самого плана кампаніи?

Неужели же возможно полагать, что все само собою «сформируется» (по современному—«образуется»)? На случай положительнаго отвѣта, напомнимъ, что Великій Царь Петръ *«сей азарду»* выразительно называлъ — *«взъхать въ рать непріятелю!..»*

Между тѣмъ въ ноябрѣ произошли событія, о которыхъ нельзя не упомянуть. 3-го числа англичане, воспользовавшись объявленіемъ войны, «плѣнили» находившійся въ Портсмутѣ нашъ фрегатъ «Спѣшный» и транспортъ «Вильгельмину», чѣмъ и открыли свои непріязненные противъ Россіи дѣйствія. Шведскій же король, уклоняясь отъ отвѣта на нашу ноту отъ 16-го ноября почти въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, дѣятельно велъ переговоры съ Англіей, выясняя «въ тишинѣ» вопросъ объ обѣщанной ему *«поддержкѣ»*, что и опредѣлилось къ концу 1807 г.

Конечно, всѣ эти обстоятельства, казалось бы, должны были оказать извѣстное давленіе на усиленіе нашихъ военныхъ приготовленій. Однако, этого не наблюдается и въ теченіе ноября мѣсяца. Наоборотъ, соображенія экономическія вынудили насъ, какъ уже упоминалось выше, «во уваженіе недостатка фуража»,—значительно сократить и число подъемныхъ лошадей, отославъ ихъ за сотни верстъ, и обозъ войсковыхъ частей, въ ущербъ боевой готовности послѣднихъ.

Въ виду тѣхъ же экономическихъ соображеній, предусмотрительный графъ Аракчеевъ 20-го ноября возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи *«исподволь купить»* зимнія повозки для запасныхъ артилерійскихъ парковъ, коихъ потребно *до 400 повозокъ (ибо въ арсеналѣ таковыхъ не имѣется)*, дабы тогда, какъ оныя понадобятся, *не покупать ихъ несоразмѣрными цѣнами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не сдѣлать бы чрезъ сіе тревоги*. 23-го числа послѣдовала Высочайшая «аппробація» на приведеніе въ исполненіе этого мѣропріятія, причемъ указано произвести *«закупку повозокъ исподволь, на случай могущей встрѣтиться въ нихъ надобности»*. Въ общемъ, эта закупка 400 повозокъ, примѣрно на 1½ артилерійскихъ парка, была всего частнымъ распоряженіемъ изъ числа общихъ распоряженій по устройству всѣхъ запасныхъ артилерійскихъ парковъ.

Хотя отмѣченное распоряженіе и принадлежитъ къ числу второстепенныхъ, но оно имѣетъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ опредѣленно указываетъ на слѣдующее:

1) даже такое довѣренное лицо, какъ вліятельный графъ Аракчеевъ, не имѣло основаній предполагать о военныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ со Швеціей, такъ какъ въ противномъ случаѣ закупка повозокъ была бы произведена, конечно, не «исподволь» и не для пополненія запасовъ арсенала;

2) Императоръ Александръ I, рѣшивъ начать войну со Швеціей, несомнѣнно не указывалъ бы произвести закупку повозокъ «на случай могущей встрѣтиться въ нихъ надобности», а повелѣлъ бы графу Аракчееву исполнить это съ опредѣленною цѣлью.

Кромѣ того, заслуживаетъ вниманія и та осторожность, съ которой предполагали закупать повозки—«исподволь», а не сразу, чтобы «не сдѣлать чрезъ сіе тревоги», которая могла бы дать поводъ къ различнымъ слухамъ...

Около 10-го декабря 1807 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, «чтобы пѣхотные полки 5-й дивизіи, съ полученіемъ повелѣнія, не долѣе, какъ черезъ четверо сутокъ, выступили изъ мѣстъ теперешняго своего пребыванія (т. е. изъ района: Новоржевъ—Торопецъ—Печоры—Витебскъ—Люцинъ—Друя)» и слѣдовали: а) 4 полка—къ С.-Петербургу, б) 1 полкъ—въ Гатчину, и в) 1 полкъ—къ Ропшѣ.

Принимая во вниманіе, что къ этому времени англо-шведская политика, какъ мы уже отмѣтили выше, рѣзко мѣняетъ свое направленіе, причемъ Англія проявила открыто и враждебныя дѣйствія (захватъ двухъ судовъ), мы придемъ къ заключенію, что и это распоряженіе, врядъ ли, возможно считать за приготовленіе къ войнѣ со Швеціей по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, повелѣніе выступить *только пѣхотнымъ полкамъ* въ предвидѣніи войны не имѣло бы мѣста; во-вторыхъ, сосредоточеніе части 5-й дивизіи почти за 300 верстъ отъ будущаго исходнаго пункта (Нейшлотъ) было бы неосновательно; въ третьихъ, открывать военныя дѣйствія частями войскъ, истомленными почти непрерывными осенними (200—300 верстъ изъ лагеря въ квартирный районъ) и зимними (до 800 верстъ, отъ квартиръ къ С.-Петербургу и въ Финляндію) походами было бы неосмотрительно.

Въ виду этого, мы утверждаемъ, что и распоряженіе относительно пѣхотныхъ полковъ 5-й дивизіи было вызвано пригото-

ніями противу «поведенія англичанъ». Въдѣ не случайно же дата приведеннаго выше Высочайшаго повелѣнія совпадаетъ съ донесеніемъ нашего посла въ Стокгольмѣ Алопеуса, который, тщетно улаживая одинъ вопросъ, *10-го декабря 1807 г.* уже сообщилъ, что англичане рѣшительно отказали выдать грузъ «плѣннаго» фрегата «Спѣшный». Если бы полки предназначались не для увеличенія числа войскъ, собранныхъ въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, то полагаемъ, что 5-я дивизія прибыла бы сразу въ Финляндію и, вѣроятно, не по зимнему тракту.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, ни одно изъ распоряженій, относящихся до армій, не даетъ даже и повода дѣлать заключенія о какихъ то приготовленіяхъ къ войнѣ со Швеціей почти *вплоть до конца 1807 г.* Мало того, о будущемъ главнокомандующемъ финляндскою арміей, ген.-отъ-инф. графѣ Буксгевденѣ, въ текущей секретной перепискѣ никакихъ свѣдѣній не встрѣчается.

Въ первыхъ числахъ января 1808 г. въ С.-Петербургѣ прибылъ графъ Буксгевденъ. *14-го же января* онъ сообщилъ графу Аракчееву слѣдующее ¹⁾:

«Вслѣдствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, какъ вашему сіятельству извѣстно, *17-я и 21-я дивизіи назначены подѣ начальствомъ моимъ для нѣкотораго предпріятія къ движенію.* Почему васъ, милостивый государь, покорно прошу дать ваши, кому слѣдовать будетъ, повелѣнія *снабдить полки* сказанныхъ дивизій, по приходѣ въ Фридрихсгамъ или если сіе невозможно будетъ, то хотя сейчасъ по приходѣ чрезъ оной городъ, — *надлежащую артилерію*» ²⁾.

Вотъ этотъ документъ безспорно свидѣтельствуетъ о началѣ военныхъ приготовленій на шведской границѣ, причемъ будущая

¹⁾ Арх. арт. истор. музея, дѣла штаба ген.-фельдцейм., св. 1019, дѣло № 552. Отношеніе графа Буксгевдена отъ 14-го января 1808 г. за № 1.

²⁾ Согласно «правиламъ на предметъ образованія и порядка службы въ дивизіяхъ», объявленнымъ 4-го іюня 1806 г. (П. С. З., т. XXIX, № 22161), — «при каждомъ гренадерскомъ и мушкетерскомъ полку *опредѣлялось по 1/2 полевой артилерійской роты, съ 6-ю легкими орудіями.* Интересно, что въ пѣхотѣ тогда же было введено обязательное «*познаніе служитъ при орудіяхъ*», для чего въ каждой ротѣ обучали 2 унт.-офид. и 10 рядовыхъ (на полкъ—144 чел.), «дабы въ случаѣ потери артилеристовъ при дѣйствіяхъ противу непріятели, могли тотчасъ на время ихъ мѣста заступить...»

Въ теченіе 1 іюля—22 сентября 1807 г., графъ Аракчеевъ, какъ извѣстно, закончилъ преобразование артилеріи, устроивъ артилерійскія бригады (см. Арх. канц. воен. мин., секр. отд., 1807 г., дѣло № 33).

цѣль дѣйствій очень характерно опредѣлена выраженіемъ «*для нѣкотораго предпріятія къ движенію*». Думается, что если бы было рѣшено начать войну, то служебная переписка между такими лицами, какъ графъ Аракчеевъ и графъ Буксгевденъ, велась бы въ болѣе опредѣленной и законченной формѣ. Строгіе и разумные канцелярскіе порядки того времени, особенно въ вѣдомствѣ графа Аракчеева, исключали всякую надобность принимать особыя мѣры противъ охраненія «секрета», а поэтому мы склонны думать, что расшифровка слова «*предпріятіе*», при наличіи оговорки—«*какъ вашему сіятельству извѣстно*», становилась бы излишнею попыткою затуманить дѣйствительность.

Въ общемъ, несмотря на то, что намъ удалось найти указанія, что вопросъ о командированіи въ распоряженіе графа Буксгевдена чиновъ квартирмейстерской части и инженернаго корпуса былъ возбужденъ 13-го января (см. въ дѣлѣ № 3/79 отношеніе графа Сухтелена отъ 13-го января 1808 г. № 48), мы все таки считаемъ началомъ военныхъ приготовленій *14-е января*, вслѣдствіе того, что указанный выше вопросъ получилъ разрѣшеніе, какъ это будетъ выяснено далѣе, лишь *къ 19—25-го января*. Только съ *14-го января 1808 г.*, имѣли бы полное основаніе сказать историки, *какія то приготовленія дѣйствительно начинаются*, но до этого Россія никакихъ реальныхъ поводовъ для тревоги Швеціи не давала. Мало того, первая до 1808 г. какъ бы предупредительно принимала цѣлый рядъ мѣръ, крайне странныхъ въ военномъ отношеніи исключительно для того, чтобы убѣдить наглядно послѣднюю, въ своемъ *мирномъ направленіи*... Если же дипломатическія головы, раскрывая тайны Тильзитскаго свиданія Императора Александра I и Наполеона, сумѣли создать подробности интимной бесѣды императоровъ и убѣдить современниковъ въ легендѣ о «*географическомъ враніи*», каковымъ названа Шведская Финляндія, настолько, что историки увѣровали въ это и считаютъ, по различнымъ причинамъ, за безспорный документъ, то слѣдовало бы новѣйшимъ изслѣдователямъ попытаться подкрѣпить его дѣйствительными фактами, а не довольствоваться, какъ это дѣлаютъ шведскіе историки, приведеніемъ, такъ называемыхъ, «подлинныхъ» бесѣдъ и разговоровъ, приводимыхъ къ тому же съ подробностями, невольно вызывающими сомнѣнія, что особенно подкрѣпляется и наличіемъ кавычекъ, бережно ограждающихъ подлинныя (?) слова (дипломатовъ и друг.) отъ смѣшенія съ общимъ текстомъ.

Конечно, толковать разговоры различныхъ дѣятелей и проще, и удобнѣе, но мы полагаемъ, что для правдивой исторіи нужнѣе не «вольныя повѣствованія о происшествіяхъ», а исключительно непреложные факты, которые только и могутъ создать прочный фундаментъ для исторіи.

Если до сихъ поръ даже и русскіе историки исключали изъ бытія нашей арміи періодъ *іюль 1807 г. — январь 1808 г.*, то это, какъ намъ кажется, происходило по какому то недоразумѣнію, къ сожалѣнію, уже *въковому*.

Забытые факты, которые намъ удалось возстановить по подлиннымъ документамъ, какъ показываетъ изложенное, далеко не принадлежатъ къ числу второстепенныхъ. Мало того, эти факты, расходясь съ «историческими» толкованіями историковъ, особенно шведскихъ, — многое опровергаютъ, доказывая совершенно обратное.

Возьмемъ, на примѣръ, заявленіе г. П. А. Ниве, послѣдняго толкователя событій 1808—1809 гг. о томъ, что *секретное соглашеніе у Россіи съ Анліею могло существовать*. Факты говорятъ, что такого соглашенія безусловно существовать не могло.

И дѣйствительно, если допустить на мгновеніе, что соглашеніе существовало, то всѣ распоряженія по охраненію и защитѣ нашего Балтійскаго побережья изъ за Ливавы до С.-Петербурга становятся нелѣпыми. Мало того, придется признать, что вся наша высшая военная администрація (отъ генераль-адъютанта графа Ливена и до ген.-инф. графа Буксгевдена включительно) разыгрывала для кого то комедію «вообразительной обороны».

Повторяемъ, что факты именно и подтверждаютъ, что въ 1807 году оборонительныя мѣры противъ Анліи, прославившей свое оружіе прискорбнымъ копенгагенскимъ подвигомъ, были дѣйствительно необходимы и дѣйствительно Россіей принимались, дабы оградить себя отъ печальнаго жребія Даніи.

Если же историки до сихъ поръ съ этими фактами не считались или же толковали ихъ по шведски, то это происходило по недоразумѣнію.

Затѣмъ, тѣ же факты опровергаютъ и утвержденіе г. П. А. Ниве, что *рѣшеніе начать (со Швеціей) войну (?) назрѣло у Императора Александра окончательно къ зимѣ 1807—1808 и.*».

Отсутствіе какихъ либо военныхъ приготовленій почти до половины января 1808 г., въ связи съ полною неосвѣдомленностію о войнѣ такого близкаго къ Императору Александру I лица, какъ

военный министр графъ Аракчеевъ, служить достаточнымъ опроверженіемъ подобнаго «созрѣвшаго рѣшенія». Даже и въ январѣ 1808 г. *противъ Швеции*, какъ это докажемъ фактами въ послѣдующей статьѣ, было задумано именно только «предпріятіе къ движенію», а вовсе не рѣшена война.

Если до сихъ поръ демонстративное «предпріятіе» въ Шведскую Финляндію, благодаря тенденціознымъ истолкованіямъ историковъ, преимущественно шведскихъ, нашихъ оборонительныхъ мѣръ противъ Англій, о чемъ мы уже говорили выше,—и называется войною, то пора, хотя бы черезъ 100 лѣтъ, отказаться отъ подобнаго округленія фактовъ. Наше «предпріятіе», какъ мы выяснимъ далѣе, завершилось войною, но послѣдняя въ планы Императора Александра I, видимо, не входила.

Вотъ почему «предпріятіе» съ войной смѣшивать невозможно, а слѣдуетъ ихъ рѣзко разграничить. Послѣднее, конечно, будетъ имѣть чрезвычайно важное значеніе для правильной оцѣнки дѣйствій нашихъ войскъ.

Для большей ясности послѣдующаго, мы вынуждены, принимая во вниманіе показанія шведскихъ историковъ (см. «Шведская война 1808—1809 гг.», ч. I, стр. 42, 30, 36, 37, 39, 45 и 52), коснуться политическихъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ январѣ и февралѣ 1808 г., но считаемъ достаточнымъ ограничиться лишь краткимъ перечнемъ событій, къ которому и перейдемъ.

А. М. Борисевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

